

Юлія Лешко

Лица счастья.
Имена любви

Юлия Лешко
Лица счастья. Имена любви

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7513630
Лица счастья. Имена любви: Регистр; Минск; 2014
ISBN 978-985-6937-74-6

Аннотация

Наверное, эту книгу, попадись она в руки суровому критику, никак не назовешь «венком сонетов». Ну, хорошо, пусть так, но финал каждой истории (...и не только моей!) – это всегда начало новой. И мысль, которая завершает предыдущую новеллу, *негромко, как будто шепотом* подсказывает первую строчку следующей. Очень часто эта мысль проста, не похожа на афоризм, не тянет даже на сентенцию...

Чем проще фраза, тем яснее смысл.

И вообще: поэзия не всегда заключается в рифмованных строчках. А в нашей абсолютно прозаической жизни поэзия прячется в самых неожиданных местах. Маскируется!.. Но, вопреки наступающей по всем фронтам прозе, рифмуются встречи и расставания, ссоры и примирения, потери и обретения, рождения и уходы.

Гармония не очевидна, но она есть.

Содержание

Чудеса и звезды	5
Я и другие паранормальные явления	6
Прививка от звездной болезни	8
Письмо «До востребования»	12
Кино	14
Свои	21
Один счастливый вечер	21
Лето. Красное. Пропела...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Лешко

Лица счастья. Имена любви

Проза

...Я понял, что все существующее меняется, теряет свою силу и свежесть, приходит в упадок, кончается, умирает. Я не хотел, чтобы это происходило с хорошими вещами и с теми, кого я знал и любил... Но что я мог сделать, чтобы они оставались? ... Если я напишу о них, они останутся – это будет написано, это будет, это сможет сохранить себя, пусть не навсегда, но – надолго...

Уильям Сароян

...Наверное, лучше Сарояна никто не объяснит, почему я начала писать эту книгу. Вот так, без лишней скромности! Иронизирую – по привычке. Ее уже не искоренить. А надо ли? Разнообразная до мушек в глазах жизнь дает для иронии немало поводов. Но оставляет место для любви.

С некоторых пор я стала замечать свой возраст. И проявляется это не в том, что медленнее хожу или набрала лишние килограммы, а в том, что стала с большей нежностью относиться к людям, острее чувствовать красоту жизни и человеческих отношений и особенно то, что все это преходяще.

Есть люди, которые ушли из моей жизни. И те, кто просто ушел из жизни. Я не могу забыть их, да и не хочу. Я продолжаю их любить и повторять их имена. Отсюда – название, похожее на незаконченную поэтическую строку.

Мне хотелось бы, чтобы эта книга стала венком сонетов. Просто потому, что в двух этих словах странным образом читается двойной, а то и тройной смысл... И не только печальный!

О тех, кого я помню и люблю. С нежностью!

Автор

Чудеса и звезды

Думаю, нет человека, который совсем уж не верит в чудеса. Потому что с каждым из нас однажды случалось что-то, что невозможно объяснить ничем, кроме вмешательства высших сил. Каждый называет Провидение по-своему. Я – человек верующий, мне легче...

Астрологи все толкуют со своей позиции: «Это – звезды!» Тоже не лишено смысла: астрология существует веками, вне зависимости от меняющейся моды на нее. «Звездное небо над нами – нравственный закон внутри нас»: лучше Канта не скажешь.

А принципиально сомневающиеся во всем имеют свои версии насчет чудес: экстрасенсорика, биоэнергетика и прочий телекинез...

Всерьез занимаются астрологией сразу две мои подруги. Однажды я попросила одну из них составить мой гороскоп. Она, ученица самого знаменитого русскоязычного астролога, подошла к делу ответственно. Совмещенный с картой звездного неба график моей судьбы удивил и... рассмешил меня неимоверно!

Но и настоящего экстрасенса я однажды встретила: просто повезло!

Самое интересное: выводы, сделанные астрологом, в ключевых моментах абсолютно совпали с прогнозами экстрасенса.

Ну, и как тут не верить в чудеса?...

Я и другие паранормальные явления

У моей подруги Анны, которая ныне проживает в Швейцарии, есть (а может быть, уже – была...) двоюродная сестра, названная, по семейной традиции, тоже Анной. У них в семье есть традиция, уходящая корнями в дореволюционное прошлое: всех девочек называют Аннами, Ольгами и Екатеринами. О том, что ее двоюродная сестра – экстрасенс, моя Анна говорила мне много раз, но я как-то скептически относилась к этому. Вежливо кивала, не более того: «Да-да, конечно. Экстрасенс. Бывает». И не принимала Аннины рассказы на веру ни одной секунды. Одно мне в этой незнакомой ведунье понравилось: то, что она, якобы, бизнеса на своем таинственном даре не делала, а напротив, несколько даже скрывала его от окружающих. Насколько это было возможно, конечно.

...Дело было в начале 90-х.

Когда двоюродная провидица явилась в наш город из Свердловска (теперь этот город называется Екатеринбург), провести родню, Анна пристала ко мне нешуточно: «Я хочу вас познакомиться!»

Не очень мне хотелось с этой дамой знакомиться. Не то, чтобы я внезапно поверила в ее сверхспособности, но... А вдруг? Как-то неуютно становилось при мысли, что про тебя все знают, как «назад», так и «наперед» – что было, что будет, чем болеешь, чего боишься. В общем, от знакомства с сестрицей Анны я открещивалась так долго, как могла.

Но и мою Анну надо знать: сестра к ней приехала всего-то на неделю, и ей почему-то очень надо было успеть нас свести. В ход пошли уговоры вперемешку с угрозами.

Ой, ну ладно. Я решила и поехала на встречу с экстрасенсом. Она состоялась в неформальной рабочей обстановке, в кабинете методиста в кинотеатре «Москва»: Анна в те годы там трудилась.

Волшебная родственница оказалась обыкновенной женщиной со спокойным невыразительным лицом, небольшими внимательными глазами, негромким голосом. Никакой экстрентрики, никаких внешних эффектов. Одета скромно, без причуд. Обручальное кольцо на руке. Ни тебе змеи, ни скарабея. Я даже немного расслабилась...

Но на всякий случай болтала без умолку о всякой ерунде, как бы создавая защитный фон: рассказывала о своей собаке, о кино, о нашей с гостьей общей исторической родине... И, отбив вполне приличные для знакомства два часа, стала собираться уходить, мысленно переводя дыхание: пронесло!..

Не тут-то было!

Когда уже самое время было сказать: «Ну, что ж! Очень рада была познакомиться, но мне уже пора, так далеко живу!.. До свидания!», гостья, до этих пор мягко поддерживавшая беседу (назовем так мою неумолчную трескотню), взяла слово для выступления. Да и выступила.

Пересказывать все, что она мне сказала, не буду. Скажу только, что во всем она – со временем – оказалась права.

Упомяну лишь одну занимательную подробность. Экстрасенс Анна сказала, что я буду писательницей. Во что я совсем не поверила и даже сочла возможным возразить ей, нервно хихикая: «Мне и журналистики вполне хватает. Ежедневная писанина, поденщина, фактически. Времени у меня нет что-то сочинять. Да и желания».

Анна (сестра, а не подруга) уточнила: «Не сразу, позже. Люди, которых ты встречаешь в жизни, будут героями твоих книг».

Общая фраза, не более того, для меня, образца 1992 года. Но не вступать же в пререкания, не уточнять же – скольких книг?

Прошло двадцать лет. И что вы сейчас держите в руках?...

* * *

За время пребывания в Минске экстрасенсорная кузина явила следующие чудеса.

Гуляя по заледеневшему Троицкому предместью, остановилась посередь узенького тротуара, как раз напротив литературного музея Максима Богдановича, и сказала моей подруге: «У тебя есть что-нибудь остренькое?» Из остренького нашелся только ключ от квартиры.

Прорицательница стала ковырять утрамбованный снег. Прохожие огибали место раскопки, косясь на двух теток, одна из которых шустро орудовала ключом, как скребком. Анна (подруга) хлопотала лицом в ответ на недоуменные взгляды.

Снег твердый, на улице холодно. Но кузина спокойно продолжала свой таинственный труд. И наконец... Извлекла из-под ледяной корки слипшуюся с наледью золотую цепочку, пропущенную через золотое кольцо с небольшим красным камушком. «Вот», – сказала Анна (сестра), протягивая оттаявшие в руках украшения Анне (подруге). Та только зачарованно глядела на раскачивающееся на цепочке колечко...

Потом она показывала мне эту находку: «Представляешь, она сказала, что знает, кто потерял это: девочка, студентка. Но найти ее, конечно, не сможет: очень большой город».

...Потом она водила кузину по магазинам: приезжие из России всегда отовариваются у нас трикотажем, конфетами, сыром. Анна (сестра) тоже покупала что-то для своей дочери в ЦУМе. Перебирая висящие на кронштейне кофточки, вдруг стала, чуть нахмурившись, бросать осторожные взгляды на окружающих. Анна (подруга) тоже насторожилась: что будет дальше. Ей даже перестали мешать объемистые сумки с уже совершенными покупками.

Оставив в покое трикотаж, экстрасенс подошла к женщине средних лет, которая выбирала какой-то джемпер. Подошла и сказала вполголоса: «Не волнуйтесь так, все будет хорошо. Невестка родит завтра утром, мальчика».

Что там было с этой невесткой, никто уточнять не стал, но женщина, сначала опасливо глядевшая на странную собеседницу, буквально в одну секунду залилась обильными слезами. И только спросила: «Оба... здоровы?» Сестра Анна погладила ее по плечу: «Да, оба».

Ну, и что тут скажешь?...

Что еще «открыла» кузина моей подруге? То, что сочла нужным, вероятно. Из судьбоносного – то, что Анна, неоднократно до этого побывавшая замужем, еще раз это сделает. К сожалению, в тот же год ее мама уйдет из жизни. Анна (подруга) замахала на сестру руками: «Да ну его к черту, такое замужество!» Но кузина сказала, что с этим ничего не поделаешь. Так будет. Сказав плохое, сказала и хорошее. Потому что в жизни, как правило, нет худа без добра.

...Анна ведь недаром оказалась в Швейцарии. Когда умерла ее мама, четвертый муж Анны навсегда увез ее из страны, в которой остались только родные могилы.

Прививка от звездной болезни

...Моя подруга Наташа по каким-то идейным соображениям разошлась со своим учителем астрологии. Я никогда не вникала в этот корпоративный конфликт, да и в целом, к астрологии серьезно не относилась.

Но, видно, в жизни случайностей не бывает. И однажды, попав в жизненный тупик, я обратилась к подруге-астрологине – по ее прямому «профилю».

Мы сидели в кухне, и я буквально стенала: никак не могла понять, почему на меня постоянно обрушивается столько бытовых забот и проблем, часто – не моих, но решать их должна именно я. Прямо Жанна Д'Арк: «Если не я, то кто же?...» Не могу отказать ни близким, ни дальним, рвусь на части. Слово «нет» в какой-то, упущенный мной, момент навсегда исчезло из моего лексикона, и с тех пор я всем говорю «да, конечно, а как же, обязательно» и всех жалею.

В ответ, как водится, никто не жалел меня. Грузят ведь на того, кто везет.

* * *

Последней каплей стало происшествие незначительное, но показательное.

Мы с мужем и собакой возвращались с большой прогулки по лесу. Был июль. Вечерело, почти смеркалось. На длинном отрезке пути, ведущем из лесу, мимо недавно отстроенного (и уже закрывшегося на ночь) авторынка, мы шли втроем. За нами – никого. Впереди, вдалеке, нам навстречу шли двое.

Когда мы поравнялись, я увидела, что это пожилая пара. Женщина тихо плакала.

Можно было бы просто пройти мимо, но я же не могу этого сделать! Тут ругать некого: ну, не могу, и все!

Я спросила у женщины, что случилось. И она сказала, что их собачку только что сбила машина.

«Насмерть?» – спросила я. «Нет, – ответила женщина, – она лежит там, в кустах, и умирает...»

Мой муж спросил: «Почему же вы ее там оставили? Может, ее можно спасти?»

Муж женщины ответил: «Лечебница закрыта. Надо вызвать ветеринара, а у нас нет знакомых ветеринаров. И денег тоже нет».

Мы с мужем переглянулись. У нас было и то, и другое. И это значит...

И это значит, что мы быстро отвели домой нашу собаку, вернулись к несчастной дворняжке в кустах и довели все это дело до победного конца. Перевязанную собаку, ставшую похожей на хоккеиста в шлеме, счастливые старики унесли домой. Наш знакомый ветеринар, получив за свои труды законный гонорар, уехал на своей «мазде». А мы отправились домой. Я огляделась по сторонам: на пустынной дороге, ведущей к лесу мимо авторынка, так никто и не появился.

Я люблю собак. Я вообще добрый человек. Но тут со мной случилась истерика.

Дома я села в уголок дивана и принялась тихо плакать. Не выдержали нервы. Почему все (мне так казалось – все!) страждущие идут ко мне? Как они меня находят? Я не мать Тереза! Почему все ленивые просят помочь меня? Почему мои родные и близкие ловко перекладывают на меня свои дела, не особо заботясь, каково мне при этом?...

«И ведь заметь, – сквозь сопли и слезы взывала я к мужу, – только мы с тобой шли навстречу этим людям. Только мы должны были все сделать: вызвать Андрея Ивановича, дать денег... А ничего, что они у нас последние до получки? Все равно: беги, оторви от себя и сделай...»

Муж молчал. Потому что его я максимально ограждала от бытовых проблем: у него была ответственная работа, своих забот хватало выше крыши.

А я устала от бесконечного «стечения обстоятельств» не в мою пользу.

И этому должно было быть хоть какое-то объяснение.

* * *

Наташа выслушала историю про собаку и, неожиданно для меня, сразу сделала вывод:

– Вокруг тебя много паразитов.

Ну, при всех своих обидах, паразитами своих ближайших родственников и друзей я называть все же не стала бы. И стариков с собакой – тоже... Наташа отмахнулась от моих возражений:

– Я в буквальном смысле говорю: они живут за твой счет, паразитируют на твоей жизни.

Я опять было открыла рот, но подруга и тут опередила:

– Не о деньгах речь. Хотя... и о деньгах, видимо, тоже. В общем, для этого есть какая-то причина. И эта причина – в тебе. Назови мне точную дату твоего рождения, время и место. Будем составлять гороскоп.

Звонок маме для уточнения времени рождения – и вот уже Наташа записала все нужные сведения для того, чтобы свериться со звездами: почему же мне на роду написано без конца направо и налево раздавать – время, силы, деньги, душу, ничего не получая взамен?...

* * *

Гороскоп в наши дни делают не «на коленке», современные астрологи составляют его при помощи специальных компьютерных программ. Но самое сложное – не техническое обеспечение, а грамотная трактовка полученного результата. Ох, как там все непросто: тригоны, акцепты, коридор зеркал... И звучит загадочно, и выглядит красиво: схема, формулы, значки, похожие на метеорологические: в общем, для непосвященного – темный лес...

Полюбовавшись на цветную разлинеенную картинку, я приготовилась слушать. Наташа не спешила, видимо, примерялась, как бы это мне растолковать попонятнее. Сомневаясь в моей астрологической сообразительности, она не ошибалась: я и астрономию-то не очень усвоила в свое время. Большую Медведицу, конечно, найду, а вот Малую – вряд ли.

Когда Наташа начала свою речь, я съезжилась.

– Вот, смотри. Это – «коридор зеркал». Он пролегает между противоположными знаками, в данном случае – между Тельцом и Скорпионом. Вот в этом пространстве между ними нет планет – ни реальных, ни фиктивных...

Посмотрела на меня. На моем лице, кроме недоумения, ничего не читалось. Наташа уточнила:

– Это не значит, что у тебя нет проблем. Есть! Но всегда есть и выход, как правило, это – вертикаль! – снова «споткнулась» о мою иронически поднятую бровь. – Как бы тебе объяснить... Ну, вот представь: окружили кого-то... пусть шайку воров. Окружили со всех сторон, перекрыли все пути отхода. А главарь смотрит вверх – и видит выход! И шайка уходит по крышам.

Я попыталась сделать умный вид. Ничего я не поняла: мне-то что, тоже по крышам уходить?... Задумалась.

И до меня все-таки дошло. Пример был, возможно, не самый удачный – «шайка, воров, окружили»: негатива многовато. А ведь суть была в том, что выход нужно находить, глядя не в пол, а в небо. Оторваться от земли!

Дальше было проще. Подруга рассказала мне о противоречиях, которые существуют между мной и моей матерью, несмотря на то, что мы очень близкие люди. Оказывается, даже то, что из-за разницы резусов крови ее организм внутри утробно отторгал мой, а мой, уже родившийся, отказывался от материнского грудного молока, было предопределено звездами.

Она объяснила мне, что я, по собственной воле не исполнившая главный женский долг – не родила ребенка, сама нарушила запрограммированную звездами гармонию. И поэтому вокруг меня так много тех, кто «назначен» мне свыше в качестве моих... детей! «Ты будешь кормить бездомных кошек и собак, опекать знакомых и незнакомых, выслушивать чужие исповеди и решать чужие проблемы до тех пор, пока у тебя не родится свой ребенок. И только тогда чужие „дети“ оставят тебя в покое».

«У меня не будет детей», – опустила голову я.

«Нет, будет», – показала мне Наташа загадочное место на моей звездной карте.

«Девочка?» – тут же оживилась я.

«Нет. Вот знак Марса. У тебя будет мальчик», – твердо сказала Наташа.

Мне становилось все интереснее: намечались необыкновенные, неожиданные перспективы в жизни... Кто бы мог подумать!

«Еще что-нибудь интересное есть?» – с надеждой глядя на звездный рисунок, спросила я у подруги: мне очень понравилась наука астрология.

Наташа долго разглядывала пиктограммы. Поворачивала так и сяк, приложила линейку, соединила карандашом какие-то точки. Отодвинулась, прищурилась...

«Тебя ждет мировая слава», – вынесла она вердикт.

Ну, тут надо уточнить одну важную деталь: у моей Наташи масса достоинств, включая ум, эрудицию, железную логику, два высших образования, знание человеческой психологии... Единственное, чего нет среди всех этих замечательных качеств, – чувство юмора. Оно у нее совершенно отсутствует. Меня этот факт не раздражает, а, скорее, умиляет. Такая серьезная, такая ответственная, такая прямолинейная...

А я даже набок завалилась от хохота: «Мировая слава! Щас сдохну со смеху... Покажи, где написано...»

Наташа обиделась:

«Вот, смотри. Видишь вот этот треугольник в круге? Это значит, что ты будешь известна за пределами того места, где живешь».

«Наташа, – я отдышалась и вытерла слезы, выступившие от смеха, – есть кое-какая разница между мировой славой и известностью за пределами Малиновки, ты не находишь?»

Серьезная Наташа пожала плечами:

«Да, пожалуйста, можно и так сказать. Но этот акцент обозначает мировую славу. Это общепринятый символ».

«Да наш журнал дальше Беларуси не распространяется, – чтобы Наташа не обижалась на мой смех, я пыталась ей объяснить, почему так буйно развеселилась. – А главное, мании величия у меня нет».

«У меня тоже, – ответила подруга, – относись, как хочешь».

«Но я даже предположить не могу, откуда славу-то ждать?»

Точного адреса, где раздают «мировую славу», в гороскопе, естественно, не было. Но тут я вспомнила, что экстрасенс Анна предсказала мне, что я буду писательницей.

* * *

Известной «за пределами Малиновки» я стала, когда на экраны вышел первый фильм, снятый по моей повести. Да, я ее действительно написала – для своей первой книжки.

Правда, книжка вышла позже, чем был снят фильм: она была напечатана в том же году, когда на свет появился мой сын...

В общем, до мировой славы мне по-прежнему далеко (как до Большой Медведицы), но что-то рациональное в астрологии все же есть!

И некоторым экстрасенсам можно верить: особенно тем, которые не делают из своего дара источник дохода.

Письмо «До востребования»

Еще одна чудесная история. Еще два чудесных человека в моей жизни...

В преддверии своего юбилея моя добрая знакомая и коллега Тамара сказала мне:

– Я себе на день рождения делаю подарок: издаю книгу своих стихов. Вот, напечатаю и раздам друзьям – на прощанье.

«На прощанье», потому что юбилей совпал с ее новым высоким назначением, длительной командировкой в ближнее зарубежье.

...Да, эта известная радиожурналист и по сей день пишет прекрасные, очень женские стихи. «Женские» – это не значит, что они слащавые или слезливые. Напротив: ее стихи исполнены и неподдельного драматизма, и женского достоинства, они чувственны и сдержанны одновременно. Я люблю ее стихи. Они так разительно непохожи на все, что она делает в рамках своей основной профессии, что становится ясно: именно в стихах – ее душа. Их не надо декламировать, их хочется читать глазами. Ну, и сердцем, конечно...

– Напиши мне что-нибудь. Это будет от тебя подарок. Ксения (ее младшая дочь) уже написала маленький рассказ.

...Она и предположить не могла, какая тема есть у меня для «подарочного» рассказа...

* * *

Некоторое время назад она ездила в Израиль: отдохнуть, посетить Святую Землю и подлечиться в целебных водах Мертвого моря. Когда провожали ее в отпуск, то всей нашей дружной женской редакцией (а нас в редакции трое) написали «письма Богу». Чтобы она, когда будет в Иерусалиме, «отправила» их – оставила в Стене Плача.

Я не знаю, о чем просили мои коллеги. И не знаю, получили ли они «ответ». А я – получила!

Поэтому в конце рассказа, посвященного этому ее вояжу, я и написала большими буквами: «ТЫ ЗНАЕШЬ, ПОЧЕМУ Я СЕЙЧАС ПИШУ ТЕБЕ? НЕДАВНО Я ПОЛУЧИЛА ОТВЕТ!»

...Книгу моя коллега издала и, как и планировала, раздала своим многочисленным друзьям.

Разумеется, книжка попала в руки ее дочерей: младшая тоже была в списке авторов этого сборника, а старшей попался на глаза мой рассказик.

Нужно сказать, девочки у моей коллеги – замечательные. У младшей – яркий литературный дар, ни на кого не похожий стиль, эмоциональный и философский одновременно.

Старшая – «матушка», жена православного священника, многодетная мать. Одно из множества добрых дел, которые она творит согласно своему статусу, – работа в центре «Матуля». Деятельность центра направлена на пропаганду и поддержку материнства...

В общем, когда она прочитала мой прозаический «подарок», то сразу все поняла. И сказала матери:

– Эта женщина ждет ребенка.

– Да ну... Не может быть, – ответила моя коллега.

И, конечно, не откладывая в долгий ящик, напрямую спросила меня, права ли ее дочь?

– Да, – ответила я. – И буду просить Веру стать крестной моего ребенка.

Ведь она была не единственной, прочитавшей мой рассказ. Но только она, всегда, всем сердцем настроенная на материнство, прочитала между строк мою потаенную радость и благодарность «почтальону».

И, конечно, ТОМУ, КТО ПРОЧИТАЛ ПИСЬМО... И так чудесно ответил на него.

* * *

*Антарес, Вега, Альтаир,
Альдебаран и Бетельгейзе...
Прекрасный и холодный мир,
А жизнь вокруг – кипящий гейзер!*

*Читать по звездам – странный дар:
Светила светят, да не греют.
Пускай все знает ледяной пульсар,
Мне возле гейзера – теплее.*

Кино

«Девочка (или мальчик), хочешь сниматься в кино?» – вот, пожалуй, самый волшебный вопрос, который может услышать ребенок. Мы все любим кино с детства! Эта любовь чистая, бескорыстная и, как правило, безответная.

Я тоже очень долго любила кино именно так: не рассчитывая на взаимность. А как иначе любить, если работаешь в журнале о кино, пишешь об актерах и режиссерах, премьерных фильмах и прочей кинематографической действительности?

И если бы не цепь случайностей...

Сразу оговорюсь. Мемуары «Моя жизнь в искусстве» не входят в мои ближайшие творческие планы. В далеко идущие – тоже: «бронзоветь» нет ни повода, ни желания. Но историю о том, как я попала в кино, расскажу. Она, на мой взгляд, довольно забавна. И даже – поучительна!

...Редактор нашего журнала, единственного киножурнала в стране и одного из немногих, сохранившихся на постсоветском пространстве, долгие годы входит в худсовет киностудии. «Профессион де фуа», как мы с ней любим повторять вслед за героем бессмертной комедии Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», режиссером Якиным. Что в переводе с французского обозначает – «профессиональный долг».

В связи с этим «де фуа» ей приходится перечитывать огромное количество сценариев, предлагаемых редакции киностудии на предмет дальнейшей экранизации. Не все так просто: в редакции происходит достаточно жесткий отбор. Но на студии не разбрасываются авторами, даже начинающими, стараются не пропустить ни одно зерно среди плевел. И для того, чтобы его не пропустить, в помощь привлекаются наиболее авторитетные специалисты. Из них-то и составляют художественный совет, членом которого является мой непосредственный по жизни руководитель.

...Но «плевел» все равно больше. И «плевелы» тоже приходится читать...

Гриф «совершенно секретно» на сценарии не ставят, после прочтения сжечь не рекомендуют, и вообще – это материал, по определению, предназначенный для массового потребления. А в нашей редакции, кроме главного редактора, всего-то два штатных сотрудника. Поэтому то, что я время от времени листала приносимые гонцами из редакции киностудии сценарии, большим криминалом считаться не может.

Что-то читала с интересом, над чем-то хохотала: в смысле, это было остроумно и потому смешно... Ну и, что греха таить, кое-что просто высмеивала в прах. По причине претенциозности, безграмотности, а то и очевидной бездарности представленных опусов. Поверьте: ничуть себя не оправдываю – понимаю, что смеяться и ругать всегда легче, чем хвалить. Но что же делать, если смешно?... В общем, что было – то было: смеялась! И все порывалась собрать воедино и опубликовать самые потрясающие ляпы и перлы. Однако моя строгая редактриса на это добро не дала: в конце концов, не принятые худсоветом сценарии без ведома автора опубликованы быть не могут ни в каком виде. Даже в виде цитат.

Но однажды... Однажды Министерство культуры, Национальная киностудия и союз кинематографистов объявили открытый республиканский конкурс на лучший сценарий. Для всех желающих!

И тут моя начальница обратила ко мне свой улыбающийся лик:

– Ну, что, Юля, смеяться мы все мастера. А самой написать сценарий – слабо?

* * *

Дело прошлое – было это почти двенадцать лет назад, и я в ту пору была и моложе, и нахальнее, и веселее. В общем, я бодро и самоуверенно заявила:

– Буду участвовать в конкурсе! И обязательно займу какое-нибудь место. Может, не первое, но все равно займу, – и, чтобы не было путей к отступлению, с некоторым даже вызовом спросила: – Спорим?

– На что? – тут же протянула руку моя редактриса, ничуть не уступающая мне в азартности.

Окинув взглядом редакционные окрестности, я моментально выбрала призовой фонд:

– На глазированный сырок!

– Идет, – согласилась редактриса, а наша художница ударом ладони «разбила» спор.

И в тот же вечер я принялась за работу. Редактриса как опытный член различных художественных советов, жюри конкурсов и фестивалей посоветовала: пусть это будет мелодрама. Народу надоело «стрелялки» и боевики, людям хочется красоты, любви, светлой печали, может быть – слезы...

...Как рождается сюжет? Нужно знать финал истории. Если знаешь, чем она закончится, все остальное нанижется само собой. Не знаю, как у других, у меня именно так.

Зная печальный, но добрый конец своей повести о любви, я стала сочинять «канву». И тут мне в голову пришла идея: а что, если «соткать» полотно моей мелодрамы из отдельных ниточек, как бы выдернутых из судеб моих друзей и подруг? Это будет мое посвящение всем им – добрым, умным, любившим, любящим, юным, взрослым, счастливым, не очень, красивым, скромным...

Я писала взахлеб, как будто перебивая саму себя, старалась вместить в повествование черты характера, фрагменты биографии, любимые словечки, шутки всех, с кем свела меня жизнь... Я спешила: время, когда можно было сдать работу на конкурс, стремительно сокращалось.

Увлеклась! Писала и представляла себе, как потом мои друзья будут узнавать себя в героях киноповести. Странно: даже тени сомнения не было, что повесть состоится на экране...

И, наконец, пришел день, когда нужно было сдавать сценарий: завтра!

Накануне редактриса, которую доселе я не допускала в свою «творческую лабораторию» и немножечко отгоняла от монитора, спросила:

– Ну что, уже можно посмотреть?

Я, зная, что завтра опус будут читать и беспристрастно оценивать совершенно посторонние люди, милостиво согласилась. Моя старшая коллега углубилась в чтение. И буквально через несколько минут, горестно охнув, взялась ладонями за щеки.

– Что? – всполошилась я. – Что – так плохо?

Она молча покачала головой, листая курсором страницы на мониторе компьютера.

– Нет, – сказала она печально. – Это хорошо. Но это – не сценарий.

– Почему? – возопила я. Я читала множество сценариев, это было, по крайней мере, похоже!

– Это повесть. Это литературное произведение, но не сценарий, – грустно отвечала мне начальница.

Все. Плечи, руки, уголки губ у меня опустились... Все пропало. Я наказана за свою самоуверенность, надо признавать поражение. И разрази меня гром, если я еще когда-нибудь буду критиковать чью-то писанину: сама-то хороша...

– Ладно, я не буду отправлять это на конкурс, – сказала я мрачно и хотела было выключить компьютер.

– Нет, – твердо возразила мне моя руководительница. – Надо посылать.

Со мной случилась мелкая истерика:

– Чего позориться-то? И вам я тоже проспорила, пойду, схожу за сырком, – я чуть не плакала.

Редактриса дочитала произведение, повернулась ко мне, скрестив руки на груди и глядя куда-то в сторону.

– Чего вы молчите? – не выдержала я ее затянувшихся мрачных раздумий.

– Теперь я с вами спорю, – заявила она, переведя взгляд на мое расстроенное лицо. – На тот же глазированный сырок. Да, это не сценарий, но вы обязательно будете среди победителей конкурса. Обязательно. Лена, разбейте!

И все же я отмахнулась от повторно протянутой мне для спора руки. Но на следующий день отправила свою киноповесть на конкурс: все же работала целый месяц. При этом, уже не надеясь на успех, а потому и не сильно напрягаясь, назвала ее странновато: «Сверкающий красный шарик» – этими словами она заканчивалась.

Результатов конкурса пришлось ждать довольно долго. Его победителей должны были назвать на торжественном собрании Союза кинематографистов 17 декабря, в День белорусского кино. А до этого события еще состоялся Национальный кинофестиваль в Бресте, на котором наш журнал неизменно присутствовал в качестве основного информационного партнера.

Фестиваль – всегда праздник, встреча коллег... Были на фестивале и те из них, кто входил в жюри конкурса. Одна дама, таинственно улыбаясь, сказала мне вполголоса:

– Юля, я читала твой сценарий. Но пока ничего не скажу – не имею права...

Другая, также вошедшая в высокий ареопаг, тоже негромко, но более определенно высказалась:

– Мне понравилось...

Я уж не знала, чего и ждать от судьбы!

Накануне Дня белорусского кино мне позвонили из правления Союза и уточнили, буду ли я на торжественном вечере. Конечно, буду!..

* * *

В общем, сырок я снова проспорила. Потому что моей киноповести, которую пышно нарекли «литературным материалом», по результатам конкурса вручили диплом с формулировкой «Надежда». Так и пояснив: это не сценарий, но вполне достоин им стать.

А немногим позже «не сценарием», осевшим в редакции киностудии, заинтересовалась известная питерская телестудия. И вскоре на свет появился первый телефильм, в титрах которого я увидела свое имя...

На премьере, которая состоялась в небольшом просмотровом зале киностудии, я сидела рядом с известным тележурналистом. Было холодно, я зябла – то ли от температуры в зале, то ли от волнения, вцепившись в рукав коллеги. И он сказал мне шепотом:

– Смотри, Юлька, ты что-то там насочиняла, а они – живые, они есть, ходят, смеются... Здорово, да?

Конечно, здорово. То есть, это вообще ни с чем не сравнимо! Создать в своем воображении целый мир, населенный людьми, с их чувствами и переживаниями, а потом увидеть воплощение своей фантазии... Кино захватывает – сразу и навсегда. И не отпускает.

* * *

Четырехсерийный фильм, камерную, в общем, мелодраму, названную питерским продюсером «Подружка Осень», зрители приняли очень хорошо. Дистрибьюторы – еще лучше. Коммерческий успех оправдал самые смелые их ожидания.

Первый успех окрылил меня настолько, что я стала мечтать о следующем проекте! Но... Скоро только сказка сказывается.

– Нужна новогодняя сказка, – сказал мне тот самый тележурналист, который вместе со мной переживал радость премьеры «Подружки Осени». – Напишешь?

О, ну конечно! Теперь-то, после работы над четырьмя сериями, после выполнения всех, порой взаимоисключающих, требований режиссера и продюсера, после опыта сотрудничества с питерским соавтором, призванным добавить реалий в эпизоды, связанные с «городом на Неве», я понимала, что такое – сценарий. Напишу!

И вновь я окунулась в творчество!..

* * *

Работа в киножурнале дарит порой чудесные встречи. Артисты ведь, по определению, не обыкновенные люди. Или даже необыкновенные. Влюбленные в свою эфемерную, неосязаемую, фантастическую профессию. Приносящие ей всевозможные жертвы. Порой – все возможные...

Я не устаю восхищаться ими. И стараюсь писать о них так, чтобы читатели полюбили моих героев так же, как я.

А на этот раз я взяла одного из актеров в качестве прообраза героя моей зимней сказки для взрослых. Во-первых, он невероятно талантлив. Это подтверждено высокими званиями, регалиями, однако даже если бы их не было... Достаточно увидеть его на сцене хоть раз.

Во-вторых, это обаятельный, умный, глубокий и тонкий человек. Его непростая, очень рельефная (знаете: взлеты, падения, пики, пропасти...) личная судьба могла бы стать сюжетом для захватывающего романа. Но и это еще не все.

Есть у него очаровательная особенность. Или способность. Нет, скорее, хобби. На первый взгляд – довольно странное, для человека искусства. Но только на первый взгляд! Если хорошенько вдуматься, все становится на свои места. Он любит чинить электроприборы, часы и другую механику. Ему нравится, когда все работает. Он получает удовольствие от того, что вдыхает новую жизнь в предметы, приборы, механизмы. Находит логику, алгоритмы, закономерности действия и – восстанавливает разрушенную гармонию. И как артистичен при этом, даже с паяльником в руке!

В общем, именно это увлечение моего любимого артиста и стало толчком для нового сюжета. Фабулу выбрала анекдотическую: не хочется в праздник грустить. Помните старый анекдот про актера, которого приглашает сниматься Стивен Спилберг, а он отказывается: «В Новый год? Отпадает: у меня – елки...»

...Что ж! И друзья из питерского «Позитив ТВ» вновь взялись за экранизацию моих фантазий, растущих из реальности!

Правда, моего чудесного, светящегося изнутри, внешне не слишком импозантного героя сыграл писанный красавец-атлет, что несколько изменило суть истории... Но в кинематографической иерархии место сценариста находится гораздо ниже, чем продюсерская «ложка», «кресло» режиссера, позиция оператора и т. д. и т. п. Другими словами, выбор актеров – это не дело сценариста.

...Съемки проходили оч-чень интересно! А я была отдельно счастлива тем, что в фильме снялся главный «городошник» Юрий Стоянов.

Знакомство наше состоялось весьма забавно. Продюсер, подведя меня к Юрию Николаевичу, произнес следующую тираду: «Вот, наш автор, Ю. Лешко. Помните, вы сказали: „Ю. Лешко? Кто это?“ Я вам: „Юлия Лешко, минский автор“. А вы мне: „Ну, я же вижу! Бабий текст!“»

Надо было видеть лицо Стоянова. Застигнутый врасплох (хотя, судя по всему, привыкший к подобным штучкам за долгую дружбу с продюсером), он, с расширившимися глазами и тревожной улыбкой, отследил мою реакцию. А какая у меня могла быть реакция? Я рассмеялась: комизм ситуации был возведен в квадрат. Представьте: известный комедийный актер, маэстро импровизации, заставляющий помирать со смеху всю страну, «попался» на дружескую подколку. А продюсер сохранял такой невозмутимый и серьезный вид, что не согнуться пополам от хохота было невозможно! А что ему – он говорил чистую правду!

Слава Богу, Стоянов понял: можно не оправдываться, автор не обижается – особенно на своих кумиров... Текст-то у меня, в самом деле, «бабий», чего уж скрывать.

...Всегда заметно, когда пишет женщина. Обращая внимание на мелочи, поддаваясь эмоциям, порой сбиваясь на слезу, всегда старательно обходя темное, страшное, жестокое. О любви женщины пишут чаще всего: каждой есть чем поделиться. И главное – любой женщине хочется умножить лучшее на земле. По мере сил, конечно.

* * *

Самой трудной была работа над фильмом «Рифмуется с любовью». Много для этого причин. Тяжелая тема. Я взялась за нее, преодолевая внутреннее сопротивление: мне было просто страшно. Потому что я женщина, потому что умею страдать и сострадать. Но я должна была написать эту повесть, я обещала... Мне было очень трудно.

...Начиная «Подружку Осень» как пазл, сложенный из кусочков реальных судеб на фоне моей фантазии, я и не предполагала, что вскоре мне придется писать «опровержение». Как в журналистике: ошибся в публикации – пиши опровержение...

Конечно, я не ошиблась. Потому что, даже вкрапляя фрагменты настоящего, не связывала сюжетный ход с реальной жизнью! Но моя подруга Рита решила, что ее болезнь как бы предугадана в «Подружке...». Значит, нужно было, чтобы появился фильм, в котором болезнь будет побеждена, в котором все будут жить долго и счастливо. И я начала писать повесть «Рифмуется с любовью».

Нечасто, но бывает: берешься за тему, а жизнь начинает... помогать: подбрасывать сюжеты, подсказывать ходы и даже знакомить с людьми, которые знают о твоей теме все! Или почти все.

Одно время я подрабатывала литературным редактором в гламурном журнале «Золотая Орхидея». Какой бы ни был он гламурный, а писал обо всем, обо всех. В поле зрения «Орхидеи» попала личность категорически не гламурная, но яркая, значительная и замечательная. Вне всякого контекста! Ведущий детский онкогематолог страны – Ольга Витальевна Алейникова. Я прочитала интервью с ней и поняла, что должна с ней познакомиться. И познакомилась. Алейникова поняла меня, выслушала мою историю и не сочла желание написать книгу во спасение подруги нелепой блажью. Она консультировала меня сама, дала в помощь своего заместителя, Оксану Николаевну Романову, и обе они потом помогали при работе над сценарием. Главную героиню я назвала в их честь Ольгой Николаевной, а позже мы с режиссером посвятили им и их коллегам наш фильм.

...Мне открылись пласты информации, о которой я никогда не хотела бы знать. Господи, спаси, сохрани, помоги и помилуй!..

Но они-то работали с этим каждый день. Они боролись со смертью – детской смертью. И, как бы ни было мне страшно, я слушала, запоминала, писала.

Я не смогла спасти подругу, которая так верила, что написанное и воплощенное на экране может стать правдой. Фильм «Рифмуется с любовью» увидел свет уже без нее...

...И все же это оказался фильм, творящий добро. Может быть, единственный в своем роде. Еще на стадии сценария он уже реально творил добро! И уже поэтому имеет право на жизнь, при всех его возможных художественных недочетах. Есть в нем что-то – вне критики.

* * *

Один из эпизодов картины происходит в казино. Подыскивая подходящую съемочную площадку, директор картины обошла все подобные заведения столицы. Роскошные, фешенебельные залы радовали глаз, но не подходили по техническим причинам: негде, например, было проложить рельсы для кинокамеры, установить дополнительный свет.

Идеально подошло единственное из всех существующих в городе. Директор картины обратилась к его владельцу с просьбой о содействии. И сразу получила категорический отказ:

– Мы не нуждаемся в рекламе, – отрезал он.

Но лучшей съемочной площадки найти было просто невозможно! И директриса обратилась к режиссеру:

– Александр Васильевич, может быть, вы сами, по-мужски, поговорите с владельцем...

Режиссер Ефремов пришел к хозяину казино со сценарием. И сказал примерно следующее:

– Пожалуйста, посмотрите сцену, которая происходит в вашем казино. Она не делает рекламу и никак не компрометирует ваше казино. Мы были бы очень признательны, если бы вы нам просто помогли.

Назавтра у Александра Васильевича раздался телефонный звонок. И голос владельца казино произнес:

– Я прочитал сцену в казино. И прочитал сценарий до конца. А потом я прочитал его от начала до конца. Я разрешаю вам съемки, и еще... Может быть, вы помогли бы нам найти расчетный счет реальной Зоськи...

Маленькая Зоська, в повести и в фильме, – шестилетняя пациентка, нуждающаяся в лечении за границей. Герой фильма перечисляет на ее счет деньги, выигранные им в казино.

Режиссер, разумеется, помог найти счет человеку, который предоставил возможность снимать кино.

...Вся съемочная группа фильма перечисляла деньги на счета реальных деток, лежащих на излечении в ГУ РНПЦ детской онкологии и гематологии, где проходили основные съемки. Вся, без исключения!

И работали мои коллеги так, как будто хотели спасти чью-то жизнь. Дать надежду.

* * *

Как-то одна из моих подруг, одно из высших образований которой – психология, заметила:

– По твоим книжкам можно диссертацию защищать, что-нибудь в таком роде: «Подтверждение теорий сублимации материнства и т. д. и т. п. на примерах творчества Ю. Лешко». Простыми словами: читая твои истории, можно понять, что ты очень хочешь ребенка. Все твои героини рано или поздно приходят к рождению ребенка, и это всегда событие, меняющее жизнь.

Ну конечно: это всегда событие, меняющее жизнь! Правда, когда я писала, не теоретизировала на этот счет. Но раз психолог говорит... Значит, это из области подсознательного.

Как бы там ни было, однако в кинематографической среде (женской ее части) существует версия, что на картинах, снятых по моим сценариям, происходят какие-то таинственные явления, связанные именно с материнством. Мамами становятся те, кто давно хотел, да почему-то не получалось...

Исполнительница главной роли в «Подружке Осени», которая приехала в Минск вместе с мужем, а в кадре некоторое время походила с накладным животиком, к себе домой в Питер поехала уже, готовясь стать мамой по-настоящему.

На государственной сдаче фильма «Нежная зима» встретились сразу две дамы на сносках – режиссер из Санкт-Петербурга и сама сценарист...

Что уж говорить о телефильме «Ой, ма-моч-ки!..», над которым аист летал на бреющем полете: ведь его героини – беременные женщины, лежащие на сохранении. Но то – киногероини, а вот среди исполнительниц двое стали мамами «в плановом порядке» и еще двое – самым чудесным образом: их долгожданные дети появились, можно сказать, «в рамках сюжета». Причем одна из мамочек снялась в эпизоде, будучи беременной, а потом ее крошечка-дочка сама сыграла в последней серии фильма!

Хочется верить, что хоть частичка этой легенды имеет под собой основание. Пусть всегда будут мамы!..

* * *

... Знаете, чем я занимаюсь сейчас? Я пишу сценарий!

* * *

*Легко сочинить, но трудней воплотить.
С чем же сравнить? Как любить и родить!*

*...Но мигом исчезнет душевная боль,
Затянутся творчества раны,
Когда придуманная любовь
Тебе улыбнется с экрана...*

«Я была так счастлива...»

Сказала и подумала: что, правда?... Именно – счастлива? Счастье – такое летучее состояние, одним словом можно спугнуть... Радость, веселье, удовольствие очень на него похожи, легко перепутать. Только они чаще случаются, они вообще привычнее.

Счастлива...

Пожалуй, счастлива, по-настоящему, безусловно и искренне, я была... раз пять в жизни. Сейчас посчитаю...

Свои

Один счастливый вечер

...Мне было, наверное, лет десять. Потому что только в этом возрасте я могла взять не за руку, а под руку свою невысокую бабушку Анну и быть с ней вровень. Потом, позже, я быстро потянулась вверх и значительно переросла ее.

Бабушка очень любила духи «Красная Москва»: это один из запахов моего детства – и шуба, и все ее вещи пропахли ими...

Был канун Нового года, и мы с бабушкой быстрым шагом шли темно-синим морозным декабрьским вечером по ярко освещенному проспекту Ленина. Заходя в попадающиеся на пути магазины, покупали что-то к праздничному столу. А в одной кулинарии купили селедочное масло на развес: обе страшно любили «посолиться».

Мы шагали по улице, одинаково обутые в валенки – самая ходовая зимняя обувь на Урале.

...Да, дело было на Урале, где в таежном гарнизоне служил мой папа-ракетчик, женившийся на моей маме, которая родилась и выросла в городе, по центральной улице которого шла десятилетняя я и моя совсем еще молодая бабушка...

В самом конце улицы виднелась установленная на площади перед Драмтеатром сияющая разноцветными огнями новогодняя елка. Мы шли, и мое детское сердце переполняло невероятное ощущение беспредельного счастья. Стоит закрыть глаза, и я вспоминаю тот вечер, как вчерашний!..

* * *

Улица или проспект Ленина были в каждом советском городе. Как правило, имя вождя мирового пролетариата давали самой главной, самой красивой улице или проспекту.

В городе моего детства эта улица вела от Привокзальной площади до Драмтеатра. Нижний Тагил, старинный, трудовой, промышленный, и все же провинциальный... Но Драматический театр в нем был!

Во время Великой Отечественной войны в Тагиле день и ночь работали военные заводы, сюда эвакуировали людей с оккупированных территорий: вражеская авиация до Урала не долетала... «Урал, опорный край державы» – с детства помню эту чеканную строчку, которую так любили помещать на фасадах уральских административных зданий рядом с лозунгами «Слава КПСС!». Интересно, кто ее автор? До сих пор не знаю...

Здесь, в Нижнем Тагиле, сохранились не только здания «сталинской» постройки, но и те домины, что построил легендарный уральский промышленник Акинфий Демидов и его отпрыски. Богатство ввергло его в невероятную гордыню и позволило бросить вызов царской власти. Помню страшную легенду про Невьянскую башню, в подвалах которой Демидов приказал затопить станки, чеканившие фальшивые серебряные рубли, вместе с теми, кто на них работал...

В городе много исторических памятников, музеев, он гордится своими прославленными гражданами. Например, изобретатели паровоза, отец и сын (их почему-то многие считают братьями...) Черепановы, отлитые в бронзе, красуются на площади Драмтеатра...

В паспорте этот город значится местом моего рождения.

Одно время, благодаря кино, название моего города стало едва ли не именем нарицательным: глушь, тьмутаракань, непроходимая провинция. В социальной комедии «Гараж» героиня Светланы Немоляевой, «жена Гуськова», даже кидает упрек своему начальнику: «Сам-то в Париж поехал, а моего Гуськова – в Нижний Тагил...» В другом фильме прозвучала реплика еще обиднее: «Ты что – с Урала?»

Ну да, довольно отдаленное от столицы место. Опять же, лагеря особого назначения плотно окружают город. Криминогенная обстановка, по понятным причинам, соответствующая. Но благодаря тому, что сюда и в сталинское лихолетье ссылали «врагов народа» с семьями, в городе осели и укоренились представители питерской и московской научной интеллигенции, инженеры, врачи. Долгое время медицина в Нижнем Тагиле была на очень хорошем уровне. Как сейчас – не знаю...

Я не была в этом городе... тридцать семь лет! Вот, как уехала когда-то, после отцовской демобилизации из армии, так и все. Папа ведь рвался к своим родным, в Белоруссию.

А моя мама с трудом акклиматизировалась в новых условиях. Здесь у нас – теплее, но очень высокая влажность, а на Урале – климат резко континентальный. Это значит: жаркое сухое лето и холодная сухая зима...

* * *

...Холодная сухая зима...

Морозы бывали до пятидесяти градусов! Пробежишься до булочной и обратно – и выбившаяся из-под шапки челка, ресницы в инее: холодный воздух дыхание обжигает, а пар изо рта моментом превращается в кристаллики льда на волосах. Красиво! Чувствуешь себя Снегурочкой...

Сугробы – по пояс. Машины расчищали тротуары и дорогу, как ножом равняя снежный массив: получалось, что вдоль пешеходных проходов идет белая, искрящаяся под солнцем, ровная стена.

...Хоть на минутку бы вернуться, вдохнуть этот воздух!..

На самом деле, экологическая ситуация в городе, я думаю, была не очень: Уралвагон-завод, металлургический гигант – НТМК, на территории которого может расположиться небольшой городок, Коксохим, завод огнеупоров и трубы, трубы, трубы – в какую сторону ни глянь. Помню, однажды на последней обложке журнала «Смена» (было такое популярное молодежное издание в советские времена) была напечатана репродукция картины какого-то малоизвестного художника под потрясающим названием – «Дымы Тагила»!

...Розовые, желтые (знаю, когда кокс горит, дым получается ядовито-желтый...), серые, черные и белые столбы, клубы и струйки дыма образовывали радужный купол над моим славным городом. Вероятно, художнику показалось все это буйство красок эстетичным. А я, помнится, просто опешила: ничего себе – вдохновился на шедевр! ЭТИМ ЖЕ ДЫШАТ ЛЮДИ! В воздухе действительно всегда едва угадывался запах не то гари, не то смазки: так часто пахнет на вокзале, в паровозном депо. Кто-то объяснил однажды: «окалина...»

Но все это – взрослые мысли.

В детстве думается по-другому.

...Да, я же о счастье.

Ощущение свежего, как морозный воздух, искрящегося, как снег под светом фонарей, счастья от того зимнего вечера осталось со мной на всю жизнь. И никакого рационального объяснения этому я не нахожу.

Ведь я даже толком не помню: а куда мы направлялись?... Ну что заставило нас с бабушкой, которая в то время была моложе меня сегодняшней, бежать по этой улице к Драм-

театру? Мы, наверное, спешили спрятаться в трамвай, который шел на Гальянку, за пруд? Туда, где в небольшом, насквозь прокуренном частном доме жил дядя Сережа со своим отчимом Михаилом Ивановичем?... И это значило, что там бабушка быстро настряпает пирожков с мясом, которые будут скворчать на сковородке, еще чего-нибудь наварит, на пару дней вперед, а дядя Сережа поставит ей, для настроения, пластинку на проигрыватель «Концертный» с каким-нибудь Массне или Дебюсси, и потом мы будем ужинать все вместе?...

Дядей Сережей его называли и моя мама, и мамина младшая сестра Лена, так же с детства привыкла его звать и я. Дядей он никому из нас не приходился. Кем он был? Человеком, за которого моя бабушка Анна давным-давно вышла бы замуж, если бы ей не запретила мать. То есть моя прабабушка, Евдокия Яковлевна. И, представьте себе, взрослая дочь не ослушалась, не пошла против материнской воли. Во какие были семейные устои!

Первый муж Анны, оставив в 1941-м молодую жену с дочкой, которой на тот момент было всего 13 дней, вернулся с фронта живой и здоровый. Но не туда, где оставил семью. Он уехал в Украину с новой женой, которая выходила его после ранения в госпитале. Женился на ней по военному билету, в котором ничего о его женатом положении не значилось. Многие тогда так поступали... Женщина, родившая ему сына и дочь, долгие годы ничего не знала о первой семье Василия Дементьевича...

Красивая и молодая Анна погоревала, обняв осиротевшую при живом отце дочку, мою будущую маму, а через год вышла замуж.

Александр Николаевич Домрачев работал начальником цеха на заводе имени Куйбышева и был гораздо старше ее. Но его интеллигентность, порядочность, доброта и прочное материальное положение пострадавшей от житейских трудностей Анне были куда милее чьей-то цветущей молодости. Вскоре родилась Лена, моя будущая тетя.

Александр Николаевич научил мою маму читать. Маме было всего пять лет, и раннее знакомство с огромной библиотекой отчима очень повлияло на ее становление. Отчим был необычным человеком, и моя мама, благодаря полученному в раннем детстве воспитанию, тоже выросла необычной. Не похожей на своих сверстниц: начитанной, умной, независимой в суждениях. Все это очень не приветствовалось в детском саду и школе, но сильно помогло ей во всей дальнейшей жизни. Она боготворила этого человека при его жизни и до сих пор благословляет его память...

Но Александр Николаевич был старше своей жены почти на четверть века... Больше Анна замуж не рвалась, да и на двоих девчонок «идти» немного находилось охотников.

Дядя Сережа появился в жизни моей бабушки, когда она уже была... моей бабушкой. И бабушкой моего двоюродного брата Андрюши: тетя Лена уже тоже давно была замужем. В нашей семье все женщины выходили замуж в девятнадцать лет. Я первая нарушила традицию...

И с таким приданым – в виде замужних дочерей и внуков – в третий раз «под венец»? В общем, жениться им было категорически запрещено. Потому что в свое время моя прабабушка и собственную судьбу решила так же.

* * *

...Как рассказывала мне прабабушка Евдокия Яковлевна, которую с моей легкой руки, вернее, детского языка, вся семья стала звать «бабка Гуня», своего жениха до свадьбы она видела один-единственный раз. «На катушке» – так в Березниках, откуда она родом, называли ледяную горку. На Святках молодежь развлекалась катанием с гор, там парни и девушки могли познакомиться и приглянуться друг другу.

Степан Завьялов был очень красивым молодым человеком, со стороны матери родом из небогатых дворян. С отцовской стороны родня была попроще, но зато побогаче. Крепкий был род, состоятельный.

Завьялов был военным: несмотря на молодость, он уже воевал на Первой мировой, имел Георгиевский крест за храбрость и офицерское звание.

Девушка, которую он сбил с ног, катаясь «на катушке», ему очень понравилась: хоть и зарылась в сугроб так, что только валенки торчали, не разревелась, а наоборот, смеялась громче всех. А после не отказалась сесть сзади «обидчика» на салазки, обхватив его за пояс, и скатиться вдвоем.

В общем, мой будущий прадед не стал откладывать женитьбу на потом и скоро заслал сватов.

Отец Дуняши, Яков Андреевич Гилев, работал государственным подрядчиком: строил школы, больницы, церкви, являлся депутатом четырех созывов Государственной думы. В семье было четверо дочерей и двое сыновей. Евдокия была третьей по возрасту, и ей было самое время выходить замуж: две старшие сестры уже были выданы и разъехались в разные стороны. Самая старшая, Наталья, жила в Нижнем Тагиле...

Они поженились накануне революции. В разгар гражданской войны Евдокия Завьялова родила дочь Анну Степановну. В это время она была вместе с мужем в Омске, «столице» Колчаковских войск...

Когда колчаковцы были разгромлены, попавших в плен офицеров, в том числе моего прадеда, судил революционный трибунал. Молодая жена успела навестить Степана в Омской ЧК незадолго до того, как его расстреляли. Им дали свидание, и Дуняша показала, что дочка уже пошла. Прижала малышку к решетке, чтобы отец мог потрогать ее ручку. Он подержался за маленькую руку, ласково приговаривая: «Нюрочка, Нюрочка...»

Тело юной вдове не выдали: трупы расстрелянных белогвардейцев топили в Иртыше. Пожалевший ее красноармеец научил: «Уезжай к родне, если есть кто живой. Езжай на поезде, с солдатами. Скажи, что вдова красноармейца».

Она так и сделала. Поехала к сестре Наталье, в Нижний Тагил.

И там ее вскоре просватал товарищ сестрино мужа Семен Никитин – положительный, работающий и, до поры до времени, непьющий инженер-путеец. Надо было жить дальше... Дуняша вышла замуж и записала дочь Анну на нового мужа. На всякий случай, изменила и дату рождения: так Анна помолодела на два года. В общем, от родного папы ей остались только ясные голубые глаза и изломанные посередине густые черные брови. Да, время было непростое, расстрелянным отцом-белогвардейцем гордиться не приходилось...

Моя прабабушка Евдокия Яковлевна прожила до 98 лет. До последних дней не утратила ясности ума и очень любила удивлять сотрудников собеса и поликлиники дореволюционной датой своего рождения. Так и говорила, нараспев: «Одна тыща восемьсот девяносто восьмой!» И наслаждалась произведенным эффектом.

Я всегда знала, почему она такая стойкая, сильная, цельная и почему прожила так долго. Все самое страшное – гибель любимого мужа и потерю родителей – она пережила в ранней молодости. Пережила и выжила, не сломалась. Никогда ничего не боялась!

Когда второй ее муж, Никитин, от которого она родила двоих сыновей, Анатолия и Сергея, стал пить и бить ее, она терпеть не стала. Ловкая, стройная, схватила лежащий под лавкой топор и замахнулась на буяна: «Убью! Еще раз тронешь – и убью!»

Муж поверил. Руку больше не поднимал. Но она все равно от него ушла, от пьяницы. Больше предложений руки и сердца не рассматривала. И дочери запретила. Как говорится, первого мужа Бог дает, второго – добрые люди, а третьего... Сами понимаете, кто.

...А сама до последних дней вспоминала про своего любимого Степана Ивановича. Вспоминала свою свадьбу, перечисляла, какое богатое у нее было приданое, на каких лоша-

дах ехали в церковь. И у нее, пережившей столько потерь, похоронившей всех своих сестер, братьев и обоих сыновей, всегда при этом в глазах появлялись слезы. А по другим поводам плачущей я свою бабушку Гуню и не припомню.

* * *

...У этой истории есть совершенно необыкновенное продолжение!

...На фестивале «Лістапад» в конкурсной программе показывали фильм «Свои» режиссера Дмитрия Месхиева. Интересный фильм с потрясающим Богданом Ступкой в главной роли. Он сыграл человека странного, загадочного, оставшегося таковым до самого финала картины.

После просмотра моя редактриса, возглавлявшая жюри кинопрессы, пригласила меня поприсутствовать на его заседании. Просто так, в качестве гостя, так сказать – кофейку попить, коллег послушать... Я с радостью согласилась.

Началось горячее обсуждение. И одна дама, член жюри, вдруг сказала: «Да, этот старик... Он кто, вообще? Для крестьянина очень умный... И откуда он знает французский? И запах французского коньяка на расстоянии различает?...»

Я, не наделенная правом голоса, естественно, молчала. Но мой визави, сидящий через стол молодой журналист из центральной газеты, встретился со мной взглядом... Выражение его интеллигентного лица убедило меня в том, что он-то сразу все понял про героя Ступки. И я шепотом сказала ему: «Валик (так я позволяю себе к нему обращаться, учитывая долгое знакомство и значительную разницу в возрасте), да ведь он дворянин... Скорее всего, и деревня, и вся округа была его имением...» Валентин кивнул: «Конечно. Вы заметили, как он правил бричкой?...»

Поводья он держал, как наездник, а не как извозчик. И его дочь, единственный раз повернувшаяся к зрителям, явила лик такой аристократичной красоты и благородства, который можно только унаследовать от многих, многих поколений достойных предков.

...Делясь со своей матерью впечатлениями от фильма, я сказала: «Представляешь, и только один-единственный человек все понял с первого взгляда». И назвала фамилию молодого журналиста. «Редкая фамилия... Такая же была у полковника, с которым моего деда расстреляли в один день. У него осталось двое сыновей – бабушка рассказывала», – сказала мама.

...Через какое-то время мы встретились с молодым журналистом с исторической фамилией по приятному для меня поводу: Валентин брал у меня интервью. Когда все темы были исчерпаны, я рассказала ему о том, как моя мама среагировала на его красивую фамилию. И спросила, не было ли у них в роду белогвардейских офицеров?

«Да, у нас есть такая семейная легенда. Прапрадеда расстреляли в годы гражданской войны, – сказал мой молодой коллега, – но это было далеко, где-то в Сибири...»

* * *

Я все стараюсь вспомнить: ну почему же таким удивительно счастливым кажется мне зимний вечер далекого детства?

Разве мало было у меня праздников? У меня, которую так любили мои родители?...

Сейчас воспитываю сына, пытаюсь поступать так же, как когда-то поступала моя мама. Кто-то может упрекнуть меня: балуешь... Нет! Ведь сама же я не избаловалась, имея лучшие игрушки, самые интересные книжки, нарядные одежки, все, чего так хочет маленькое детское сердце? Зато я никогда и никому не завидовала: у меня было все, о чем я мечтала. И поэтому, как мне кажется, у меня сформировалась очень правильная система ценностей:

материальные блага в ней находятся далеко не на первом месте. Я становлюсь старше, а они неуклонно продолжают сдавать свои позиции.

Родители при этом, в моем далеком детстве, не купались в роскоши: ну какая роскошь может быть у кадрового военного, которого в любой момент могут отправить на новое место службы? Мы жили налегке! Я за время учебы сменила три школы, а некоторые мои ровесники – и четыре, и пять. Какое счастье, что очень долго папины дислокации располагались недалеко от города, где жили мои бабушки Анна и Евдокия, от Нижнего Тагила!..

Я так радовалась, когда к бабушкам по большим праздникам съезжалась вся родня. Две небольшие комнаты на улице Заводской вмещали всех: тетю Лену с дядей Аркадием, моего брата Андрюшу, мою маму (папа был редким гостем – служба...), меня. Приходили гости, накрывался стол... Как вкусно готовила моя бабушка, какие пироги пекла! Совершенно авторитарная, она не пускала на порог кухни никого – была там единовластной хозяйкой. В результате ни моя мама, ни тетя Лена великими кулинарками не стали. Вот чему жизнь научила, то и готовят – обе. Но бабушкиных изысков им не сотворить никогда...

Мужчины пили водку, а вот бабушка очень любила кагор. И мне тоже наливали – примерно две столовые ложки – сладкого, густого «церковного» вина.

А потом, после застолья, все дружно садились играть – в лото или в «рамс»: была такая карточная игра. Играли на деньги: ставки маленькие, копеечные, а азарт – куда там Лас-Вегасу, о котором в те годы никто и не поминал!.. У нас в роду никто за словом в карман не лезет, так что шутки и смех не смолкали, бывало, до полуночи.

...Кстати, о юморе. Недаром команда КВН «Уральские пельмени» имеет такой успех: на Урале, в самом деле, у юмора – особая тональность. Юмор, естественный, как дыхание, который рождается, кажется, из ничего. Не придуманный, а как бы выделенный из повседневного общения...

А может, климатические условия как-то влияют и на чувство юмора, и на менталитет? Закаляют характер, позволяют проще смотреть на трудности, учат радоваться всему, чем радуется жизнь. На морозе лучше смеяться, чем плакать!..

* * *

Нет, не знаю, почему так счастлива была я в тот морозный зимний вечер, когда бежала, крепко обхватив бабушкин меховой рукав, соединив свои руки «муфтой». Но тепло, согревавшее нас обеих, чувствую до сих пор.

* * *

*«Отряхнись! Дай-ка я... На кого ты похожа...» —
Чистит девочку мама. На тебя, на кого же...*

*Мы похожи на тех, в честь кого нас назвали.
Мы похожи на тех, кого помним едва ли.
Мы похожи на всех, кого даже не знали.*

*Повторяя черты и наследуя имя,
Продолжаемся сами, начинаемся — ими,
Своими...*

Лето. Красное. Пропела...

У меня есть приятельница Лена, которая работает в соседней редакции и с которой я очень люблю общаться. Но общаемся, как это часто бывает с ближайшими соседями, урывками, от случая к случаю. Однако профессиональная привычка концентрировать информацию делает наше общение вполне насыщенным и интересным. Встретились, поделились чем-то насущным, посмеялись, кофе попили, разбежались.

Чаще всего говорим о детях. Младший сын Лены Глеб – наш «песочный» друг, мы долго жили в одном районе, ходили на одну детскую площадку; со старшим Никитой я лично не знакома. Но при встрече могла бы ему сказать: «Наслышана!» Потому что Лена мне рассказала столько забавных историй про своего старшенького, что вполне сама могла бы написать целую книжку «Никиткиных рассказов». Но, пока Никитина мама собирается с мыслями, я расскажу вам один лишь эпизод «в тему».

...Никита с самых малых лет обнаруживал артистические способности. Настоящие способности. То есть он, конечно, декламировал (по необходимости) со стульчика стихи Агнии Барто громким и «выразительным» голосом, скакал на новогодних утренниках зайкой под елкой, но это, как вы понимаете, другое. Мальчик очень ярко и неординарно воспринимал действительность, каким-то образом свои впечатления осмысливал, а потом делился результатом с родными и близкими. Что не мог рассказать, показывал. Вот тут-то оно и проявлялось, настоящее...

Лена – очень хорошая мама и абсолютно здравомыслящая женщина. Ей никогда и в голову не приходило внушать сыну мысль о его дремлющем до поры великом таланте. Знаете, хочется, чтобы у детей была какая-то реальная профессия, в общем, подальше от искусства... Это я уже больше от себя говорю.

Но талант в землю сам не зарывается, а наоборот, растет и вылезает наружу в самых неожиданных местах. Никита свой недюжинный артистизм начал проявлять в школе, как водится, на уроках. Ну и, разумеется, не талантом трагика наделила его затейница-природа, напротив – этот паренек мог заставить хохотать не только весь класс, но и учителей! И быстро научился этим пользоваться. Обаятельный, гибкий, с живой мимикой, острым умом, он любую ситуацию – от невыученного урока до испорченного невзначай школьного инвентаря – мог обратить в свою пользу!

В школьной самодеятельности он тоже участвовал и был там звездой. Классу к седьмому Никита понял: он не может жить без искусства. И объявил родителям, что хочет переезжаться в знаменитую 136-ю школу «с театральным уклоном».

В семье принято уважать детей, и к решению сына отнеслись серьезно. Стремительно надвигались летние каникулы, надо было как-то определяться с переводом. В 136-ю мало перенести документы, там нужно «показываться».

Были вычищены ботинки, выглажены брюки, расчесана буйна голова. Папа, делегированный на прослушивание в качестве сопровождающего лица, надел галстук.

Они уже готовы были пуститься в путь, но тут Лене пришло в голову спросить, в лучших театральных традициях: чем удивлять-то будешь? Никита глубоко задумался. Импровизатор до мозга костей, специального репертуара он не имел. Значит, нужно что-то выучить наизусть. Учеба не была его сильным местом никогда. Лена бросилась листать учебник по литературе.

– «Горе от ума» помнишь?

– Нет.

– Лермонтова учил? – голос матери явно давал понять, что надо ответить «да», иначе...

Начали повторять «Тучки небесные, вечные странники...» С горем (не имеющим отношения к уму...) пополам повторили еще пару бессмертных поэтических произведений. Наконец, благословленные, папа и сын уехали...

...Вернулись спустя три часа, совершенно расстроенные. Папа, войдя в дом, первым делом стянул и швырнул в угол галстук:

– Если бы я знал, на какой позор иду! – горестно воскликнул он.

– А что случилось? – спросила Лена.

Рассказывал сам герой дня.

Приемная комиссия, увидев симпатягу Никиту, очевидно, настроилась благодушно.

– Что читаешь, мальчик?

Никита решил, что лучше всего будет начать с классики. И объявил первым номером своей программы стихотворение Пушкина. Держался с присущей ему свободой и раскованностью. Провел расправленной пятерней по волосам, вздохнул, глядя куда-то в неведомую даль – вошел в образ:

– Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

По выражениям лиц комиссии было ясно: им нравится! Хорошо! Окрыленный Никита набрал воздуха и продолжил:

– Короче! – здесь он сделал выразительный жест – рубанул воздух ладонью, как бы прекращая возможные прения, и объявил веско: – Становился день...

Последовал дружный хохот. Закончить Никите не удалось, но до комиссии дошло: не лирический герой стоит перед ними, а бывалый комик. Отсмеявшись, один из членов комиссии спросил:

– Чем еще порадуешь?

Никита втайне мечтал, что можно ограничиться одним «стихом», но раз уж этот номер не прошел, оповестил присутствующих, что прочитает отрывок из поэмы Грибоедова «Горе от ума». И начал читать... то, что вспомнил:

– Тучки небесные, вечные странники...

Директор школы прервала декламатора:

– Никита... Ты, конечно, очень одаренный мальчик. Но будущему артисту нужно больше читать. Актеры – культурные люди. Приходи к нам через год.

В общем, в театральную школу Никита больше поступать не стал, закончил свою, а позже поступил в БГУИР: точные науки ему все же давались легче, чем гуманитарные предметы. Но он по-прежнему невероятно популярен в своей студенческой среде (особенно – у девочек...), настоящий любимец публики – включая преподавателей и вахтеров!..

...Историй про Никиту много. Вот испрошу у вечно занятой, вечно «командировочной» Лены разрешение и напишу «Никиткины рассказы». А пока...

* * *

Я в детстве тоже была артистичной натурой. Вот только скромность и застенчивость не позволяли мне проявлять свой артистизм на людях. Тем более, я носила очки...

Но в моем богатом воображении я была и актрисой, и фигуристкой, и балериной. У нас был трехстворчатый шкаф с большим зеркалом. Вот перед этим зеркалом и разыгрывались

разные сцены: то я была принцессой, то эстрадной певицей. Поставлю на проигрыватель пластинку и открываю рот перед зеркалом...

Читать я научилась рано. И рано стала чувствовать магию слова. Вернее, подозревать, что какая-то тайна, связанная с написанным на бумаге, существует. Это в математике «от перестановки мест слагаемых сумма не меняется», а со словами – наоборот. Слова можно подобрать и расставить таким образом, что будет очень смешно. Или, наоборот, грустно до слез. Можно написать так, что мне, читателю, станет страшно. Или сердце забьется от волнения и радости – за придуманных героев, за тех, кого и в природе-то нет!.. Но ведь забьется же! Вот, как это?

Стихи тоже писала... лет с восьми. Стихи – это условно, конечно. Старалась, чтобы окончания в строчках хоть примерно одинаково звучали, обильно вставляла, где надо и не надо, слово «ведь». Смысл при этом в расчет не особенно принимался. Ужасные стишата.

Уроки литературы я в школе очень любила. Хорошо писала сочинения. Но «программные» произведения чаще всего читала задолго до того, как их нужно было «проходить» в школе. Например, я почему-то в детстве до упаду хохотала над баснями Крылова. В дедовской библиотеке нашла томик и читала по доброй воле на каникулах. Особенно любила «Мартышку и очки», для меня, очкарика, и сегодня это произведение – апофеоз иронии! «Квартет» представляла в лицах и просто дохла со смеху. Такое у меня в детстве было обостренное чувство юмора.

...На каникулы меня всегда отправляли в Беларусь, где жили мои дед и бабушка с папиной стороны. У деда, полковника в отставке, была огромная библиотека: он собирал книги всю жизнь, очень любил читать. Она в целости и сохранности и сейчас: это семейная реликвия. А вот моего замечательного деда уже нет. И бабушки, в честь которой меня называли, тоже...

В классической басне «Стрекоза и Муравей» мой взгляд зацепился за строчку «Лето красное пропела...». Я повторила ее про себя раз, два, три, на разные лады... И поняла, что это – стихотворная схема моих каникул: «Лето! Красное! Пропела!» Не потому, что я – легкомысленная бездельница или очень уж люблю петь, а потому, что деревня, в которой жили мои родные, называется Красное. Я бывала там каждое лето. И радости от каникул всегда было столько, что иначе и сказать было нельзя: «ПРОПЕЛА!»

* * *

Я и сейчас часто езжу в Красное. Это совсем близко от Молодечно, да и от Минска относительно недалеко, если ехать на электричке. Станция Уша.

Военный городок, в котором от деда осталась квартира в старом-престаром, 1936 года постройки, «ДОСе» (доме офицерских семей), находится почти посередине деревни. В глубине от широкой дороги, разделяющей деревню надвое. Если ехать на Молодечно, справа можно заметить въезд с остатками металлических ворот, когда-то украшенных красными звездами. Раньше там располагался контрольно-пропускной пункт, и надо было сказать, к кому идешь. Постовой звонил по телефону и если получал разрешение – пропускал приезжих.

...Эх, если бы прямо за этими воротами начиналось мое детство! Пройдешь КПП и – вот оно, лето детства: запах нагретой хвои, теплого песка, яблок...

Если бы я бывала в Красном реже, эту магию возвращения можно было бы сохранить. Но я слишком часто бываю здесь. Раньше – ездила к деду и бабушке, потом – только к деду, а теперь, вот уже десять лет, приезжаю как на дачу – в любое время года, на выходные, в отпуск, на Радуницу... В наш опустевший, но не утративший своей живой прелести и теплоты дом.

Я все делаю для того, чтобы он был живым. Мы все это делаем – я, мой отец, тетя...

Во-первых, ощущение домашнего тепла сохраняют... толстые стены и батареи! Это – в буквальном смысле: строить до войны умели! Холодно здесь не бывает ни зимой, ни летом. Во-вторых, впечатление живого пространства создают книги. Книги, вообще, особая субстанция. Почему-то не могу сказать о них – вещи, хотя и у вещей бывает интереснейшая биография...

Все книги дедовской библиотеки оказались в многочисленных застекленных шкафах и на полках не случайно, а собирались планомерно, в течение долгих, долгих лет. На титульной странице каждой – дата и место, где была приобретена книга, две-три строчки, написанные острым, каким-то готическим почерком деда.

...Возьму наугад. Вот, например, эта, тоненькая: «г. Бельцы, 24.09.91». Значит, дед был в гостях у моей тети Альбины, в Молдавии, в городе Бельцы, где и приобрел болгарский детектив «Двойная игра» Александра Карасимеонова. Скоротал за чтением вечеров-другой – не Бог весть, какой шедевр – и книжечка осела на полке...

В библиотеке деда множество раритетов. Первое советское издание всего Пушкина, например. Рядом – классики и современники. Попадают какие-то полузабытые имена: дед любил поэтов Багрицкого и Сосюру. Знаю, где-то во втором ряду стеллажа стоит полное собрание сочинений И. В. Сталина. Как дед стал его обладателем? Теперь уже не спросишь.

Дед читал детективы, приключения, фантастику, поэзию, собирал сказки народов мира, обожал биографические книги (вся «ЖЗЛ» у него есть!), историческую литературу. Книги, изданные в легендарном «Детгизе» – богато иллюстрированные, в солидных обложках. Академические издания, многотомные сочинения Майн Рида, Вальтера Скотта, Артура Конан Дойла, Виктора Гюго... Все это была такая особая, культурная дань его бедной юности, когда читать хотелось, а читать было нечего.

Став постарше, я позволяла себе посмеиваться над дедом, которого часто можно было «застукать» с томиком Луи Буссенара или Рафаэля Сабатини. Дед любил почитать про пиратов, ковбоев и прочих рыцарей с большой дороги...

* * *

Я так люблю это место!

Два портрета – молодой бабушки на фоне заиндевевших веток, в голубой шапочке, с голубой же муфтой в руках, и деда, в профиль, в капитанских погонах, с дымящейся сигаретой, зажатой в пальцах, – раньше стояли в кладовке. А теперь украшают стену над двумя главными книжными шкафами. «Смотрят» друг на друга... Их когда-то написал художник-самоучка, дедов ординарец. Бабушка Юля почему-то не любила их доставать из «запасника». Может, потому, что хорошенькая рыжеволосая и синеглазая девушка осталась только на портрете, а ее место в жизни заняла невысокая подвижная полненькая старушка с повышенным артериальным давлением.

Бабушка, сколько помню ее, очень за собой следила, прекрасно одевалась, потому что шить, вышивать, вязать и скорняжничать умела сама. И все же ей всегда можно было дать ее возраст. Нелегкую жизнь прожила: много работала, вырастила троих детей, в конце войны перенесла острую дистрофию, из которой выкарабкаться помог только младший сын, «дитя Победы». На память о том времени сохранилась уникальная фотография на пропуск. На ней молоденькую дистрофичную бабушку кто-то сзади держит за волосы, за простыней, на фоне которой снимали офицерских жен: чтобы голова не свешивалась от слабости на грудь... Но, в награду или авансом, за пережитые трудности судьба подарила ей такого мужа, о котором только можно было мечтать.

Они прожили душа в душу всю свою долгую жизнь. Темпераментная, импульсивная, скорая на расправу бабушка командовала в доме, но – до определенной границы. Которую не переходила никогда. Потому что – я свято в это верю – очень любила и уважала мужа. Хотя и обзывалась порой по-черному: «Пьяница! Старый ведьмак!»

Мой хороший дед! Мой замечательный дед! Я уверена, что во мне говорит не только обычная детская любовь. Никаким пьяницей он не был. Да, любил выпить рюмку водки за обедом и при этом очень вкусно ее закусить. А как он управлялся со столовыми приборами! Так изящно есть научился сам: пажеский корпус, понятное дело, не заканчивал...

Еще любил зайти в «Ветерок» после бани или с пенсии да и выпить холодненького пивка с мужиками. Постоять возле круглого столика на высокой ноге, угоститься разливным...

Дождался сыновей и уж с ними, бывало, отрывался. Так, чтобы подискутировать с огоньком, обсудить сложную международную политическую обстановку, заклеить врагов советской власти. Советская власть дала ему все. Дед был убежденный и последовательный советский человек.

* * *

Он был умный, добрый, очень справедливый. Я могла бы доверить ему какую угодно тайну, да и доверяла. Знала: он никогда меня не выдаст, никому, ни при каких обстоятельствах. Не будет подтрунивать, поднимать на смех. Если надо – поможет, прикроет, выгородит, в конце концов!

Дед прекрасно чувствовал детскую душу: своих троих воспитал. Он и поддерживал меня, и направлял, но ни тебе дидактики, ни каких занудных поучений. Сколько потрясающих историй я узнала от него... Зачитывал мне какие-то отрывки из книг, после чего я спешила вырвать у него эту книгу и читать ее от начала до конца... Вспоминал свою боевую молодость, пускался в рассказы о том, что услышал когда-то от своего деда. И делал это так, что я заслушивалась, могла ходить за ним часами и только дергать: «А дальше что было?»

Наша красненская квартира кажется большой, но у нее странная планировка: в кухне установлена также и ванна, одна комната проходная (она считалась столовой), вторая – в общем, зал. По периметру – четыре книжных шкафа, один платяной и сервант. Посреди комнаты – пианино: и бабушка хорошо играла, и тетя, в прошлом – оперная певица.

Пианино делит комнату на две части: за «спиной» у инструмента – две сдвинутые большие, старинные металлические кровати с шариками. На которых, впрочем, установлены новомодные ортопедические матрасы. Сколько себя помню, на каникулах мы спали на этом безразмерном ложе вдвоем: с одной стороны – бабушка, посередине – я, с другого бока – дед.

Уляжемся, бывало, и я начинаю канючить, чтобы оттянуть время сна: «Расскажи что-нибудь...» И дед начинал специальный колыбельный рассказ, в котором главным было не повествование, а тягучий рефрен: «Сорок дней, сорок ночей...» Да, надо было крепко повзрослеть, чтобы понять: заунывные «сорок дней и т. д.» были призваны усыпить меня до того, как дед придумает, чем закончить историю.

Но тут он жестоко ошибался! И первым, под свой «припев», сам начинал посвистывать носом. А вот я не дремала, ни в прямом, ни в переносном смысле: «Дед! Просыпайся! Дальше что?...»

В доме есть подвал и чердак – два места, куда в детстве мне разрешалось ходить только с кем-то из взрослых. Ах, какой яблочный дух стоял в подвале! И винный: дед держал там бутылку со своей настойкой, которую почему-то называл странным словом «чемергес»...

Мистифицировал меня постоянно! Например, сумел убедить девчонку, что в нашем старом доме водится привидение. Но не скучный средневековый призрак в балахоне, а поль-

ский офицер, застрелившийся когда-то на чердаке от неразделенной любви. И ведь слышались иногда шаги на чердаке, честное слово, слышались! Дед красноречиво поднимал указательный палец, чтобы я прислушалась, и заговорщицки предлагал: «Пошли! Проверим!» Ага, конечно!..

...Мне бы согласиться, поддаться на провокацию хоть раз! Тут-то бы дедовские страшили и лопнули, как мыльный пузырь: наверняка это какая-то соседка развешивала на чердаке белье. Летом крыша так нагревалась за день, что ночью высыхали хоть простыни, хоть толстые одеяла.

Но какой же ребенок пойдет на темный чердак ловить привидение, хоть бы и с дедом...

* * *

Подружки у меня в Красном тоже были, но самая лучшая, самая любимая, самая-самая – Танечка Конькова, внучка соседей Суховых.

Мы расставались с ней на целый год, а когда встречались снова – как будто и не было разлуки! Скорей все рассказать, скорей куда-то бежать...

Очень непохожие внешне – кареглазая, с темными толстыми косичками Таня и беленькая я, – мы всегда придумывали игры, которые были интересны только нам. Рядом с нами росли и внучка соседей Базановых, и девочки из «новых» домов, и «лоботряс и губошлеп» Вовка Васильев, и самый красивый мальчик городка Мишка Спас... Но мы все равно крепенько держались друг за друга, всегда особняком.

Часто уединялись, убегали в огород Суховых, где была просто сказочная красота! Он находился очень близко к границам базы, на которой служили наши деды. Там сохранились деревья, которые Суховы пожалели вырубать – несколько ив, кусты. Бабушка Тани посадила смородину и крыжовник, и получилось отгороженное от всех остальных участков деревьями и кустарниками пространство. А мы, с нашей фантазией, чувствовали себя отрезанными от всего мира, от всех этих Вовок, Мишек... Но самое красивое, что было у Суховых на огороде, – два бассейна! То есть, конечно, это были не бассейны: просто в сохранившихся от каких-то разрушенных построек фундаментах естественным образом накапливалась вода. И над водой свисали ветви ивы...

Мы «разыгрывались» там так, что забывали про все. Пока до нас дойдут ее или моя бабушка, пока погонят обедать... У нас даже был свой секретный язык. Его придумала Таня: надо просто было добавлять к каждому слогу одну, определенную, согласную букву и ту же гласную, что в слог. Непонятно? Да нет, очень даже просто! Например: «Юсюляся хосо-росошасаяся десевосочкаса». Ага!.. Вот никто и не разбирал эту тарабарщину, а всего-то – «Юля – хорошая девочка».

Однажды мой вечно увлекающийся чем-то папа снял нас на кинокамеру: у него была эта дорогушая по тем временам «игрушка», снимающая на 8-миллиметровую пленку. Звук она не записывала, только изображение. Почему-то мы с Таней категорически не хотели сниматься: отворачивались от оператора, взявшись за руки, уходили в сторону. Глупые маленькие девчонки, разве мы думали, что когда-нибудь этот день, этот сад, это детство станут светлым воспоминанием... Нам было некогда! «Неповторимо» – да мы такого слова не знали!..

«Восьмимиллиметровку» можно посмотреть только на стареньком проекторе. Каким-то чудом он еще вполне дееспособен, и папа переснял всю нашу семейную «хронику» на видеокамеру. Под треск кинопроектора наша далекая жизнь как-то особенно трогательно выглядит: две хорошенькие сердитые девочки важно и надменно покидают беседку, демонстративно отворачиваются от объектива и, наконец, уходят в сад... Папе, видно, тоже надоело нас уговаривать, и больше фильмов, где мы вдвоем с Таней, нет.

* * *

Самое любимое приключение детства – пойти с дедом на базу проверять караул.

...Дед отдал армии пятьдесят лет своей жизни и очень этим гордился. Любил сравниться с графом Игнатьевым, написавшим когда-то книгу «Пятьдесят лет в строю»...

Караулы надо было проверять глубоким вечером.

«Не струсил?» – «Нет!» – «А если волки?» – «Ну и что!» – «А разбойники?» – «Ха-ха-ха!..»

Дед облачался в офицерскую плащ-палатку, я хваталась за его локоть и мы уходили в лес, окружавший наш военный городок с трех сторон. Там, почти сразу, начинался длинный забор, окружавший базу.

Мы шли вдоль забора по протоптанной тропинке, лес шуршал, трещал сучками, и дед обязательно что-то рассказывал. Что-то, хорошо подходящее к кромешной тьме, лесным шорохам и нашей ответственной миссии.

Мой дед тоже был большим артистом! Какие паузы он делал, как играл интонацией, как выделял особые моменты... Иногда, для пущего эффекта, он останавливался и, зорко вглядываясь в тьму, произносил: «Тихо! Что это?» И громче: «Эй! Кто там? Выходи!..» Я тряслась рядом от неизвестности и восторга. Р-раз: дед направил дальнобойный фонарь, вынутый из кармана... «Ничего! Идем дальше...» И будто подвиг совершили!

Обратно идти было куда веселей. Я преодолела большое расстояние, я не струсил, я – молодец! Дед шагает широко, а легонькая я, вцепившаяся в его локоть под плащ-палаткой, едва ли не лечу рядом, подобно вымпелу.

И вот уже видны ярко освещенные окна нашего ДОСа. Вот наш сад, и палисадник, и две беседки, напротив каждого из двух подъездов. Сильно пахнет ночной фиалкой...

Издали дед начинает свистеть условным свистом: «Фью-фью, фью-фью, фью-фью...» Никогда не умела свистеть!

В ответ из окна раздается отклик – это отзывается мой молодой папа, а может – дядя. Бабушка суеверной не была, а свист был ритуалом... Какое счастье: мы вернулись домой, а там светло, там не спят, ждут нас, смельчаков! Одно из лучших воспоминаний детства: этот дом, эти освещенные окна. Все живы, все молоды, все любят друг друга. Лето, теплая ночь, завтра будет солнечный день...

...Когда бы мы ни приезжали в Красное, мой папа тоже свистел с улицы, а из дома слышался отзыв деда. Свист всегда был молодцеватым, даже когда дед уже передвигался с трудом на своих кривых кавалерийских ногах. Свист ведь не голос, возраста не выдает...

* * *

Конечно, все здесь изменилось. Половина сада, посаженного когда-то дедом, ушла под фасад двухэтажного дома, смотрящего в «глаза» нашему старичку.

Давно снесены две беседки, так украшавшие наш двор.

А вот палисадник остался, летом он почти так же хорош, как при жизни моей бабушки: садовые ромашки, ноготки, любимая в нашем дворе маттиола...

И, конечно, не так уж много осталось в этом месте людей, которые помнят меня девочкой.

Тетя Оля, живущая напротив. В молодости она была красивая, как «пани Тереза» из «Кабачка 13 стульев». Дед служил с ее мужем, Романом Антоновичем.

Сын тети Оли Витя тоже помнил меня, у нас с ним небольшая разница в возрасте, лет семь. Но он умер в прошлом декабре. Витя спился, а пить начал по причине... золотых рук. В деревне (наш городок – тоже в своем роде деревня...) принято расплачиваться за любую помощь, за работу бутылкой. А Витя умел делать все – хоть евроремонт «под ключ», хоть трактор починить, хоть DVD-плеер.

Витя был разный: в пьяном виде бывал просто отвратительным. Но никогда не был злобным, подлым, агрессивным. Так, покричать что-нибудь да свалиться спать – вот и весь дебош.

Он умер трезвый, на «объекте» – работал по найму на строительстве коттеджа у одного состоятельного человека. И работал очень хорошо. Просто стало плохо с сердцем. Полежал немного и умер.

Владелец недостроенного коттеджа сделал все, что мог, для семьи. Помог с похоронами, заказал и оплатил памятник. Так Витя обрел заслуженный покой. Конец его жизни оказался таким же достойным, какой могла бы стать вся жизнь, если бы не горькая его привычка.

Когда я узнала о его смерти, то плакала так горько, что сама от себя не ожидала.

Учительница Евгения Федоровна, у которой я даже не много поучилась: по семейным обстоятельствам во втором классе я осталась в Красном на целый сентябрь. Моей маме сделали операцию, и она долго лежала в больнице. Потом папа приехал за мной. Я успела немножко выучить белорусский язык и песню «То березка, то рябина, куст ракиты над рекой...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.